

РЕАЛЬНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ

В. А. Суровцев

Томский научный центр СО РАН, Россия
Томский государственный университет, Россия
surovtsev1964@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Данный текст является репликой на статью В. А. Ладова о платонизированной семантике Г. Фреге и о возможности решить с её помощью проблемы языкового значения. Анализируется критика такой семантики в работах Л. Витгенштейна. Высказывается сомнение, что подход Витгенштейна может служить основанием для реабилитации новых подходов к семантике, основанных на представлении о реальности языкового значения.

Ключевые слова: Фреге, Витгенштейн, Катц, смысл, значение, язык, семантика, предложение, скептицизм.

REALITY OF LINGUISTIC MEANING AND LANGUAGE GAMES

Valeriy A. Surovtsev

Tomsk Scientific Center, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russia
Tomsk State University, Tomsk, Russia
surovtsev1964@mail.ru

The article contains some considerations on Vsevolod A. Ladov's reconstruction of the theory of semantics of Gottlob Frege and of the late Ludwig Wittgenstein. The author analyzes some problems of such reconstruction and demonstrates that problems exist. Katz's new resolve does not eliminate them. Problems remain problems.

Keywords: Frege, Wittgenstein, Katz, sense, meaning, language, semantics, sentence, skepticism.

DOI 10.23951/2312-7899-2022-3-135-144

Статья В. А. Ладова «Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии»¹ состоит из трёх последовательных разделов. В первом разделе рассматривается трёхчленная семантика Фреге, в которой в рамках отношения наименования «знак–объект» выделяется третий элемент Sinn (смысл), выполняющий функцию модуля указания знака на объект. Отношение наименования преобразуется у Фреге в трёхэлементную структуру «знак–смысл–объект», где смыслу отводится роль способа данности объекта в знаке [Фреге 2000]. Особенность такой трёхчленной семантики заключается в том, что она имеет платонизированный характер, поскольку Фреге считает смыслы объективными сущностями, несводимыми ни к наглядным представлениям, ни к вещам действительного мира. Смыслы образуют «третью область» [Фреге 2021a], по характеристикам весьма напоминающую мир идей Платона. Подобный лингвистический реализм в статье В. А. Ладова иллюстрируется ссылкой, во-первых, на утверждение Фреге, что в предложениях различных грамматических форм (повествовательное предложение, вопрос, приказ) может быть выражена одна и та же мысль, во-вторых, ссылкой на особенности функционирования понятия числа, которое не может относиться ни к субъективным представлениям, ни к реальным вещам вроде «булыжников или пряников».

Вторая часть статьи В. А. Ладова посвящена теории языковых игр позднего Л. Витгенштейна, основанной на теории значения как употребления, которая впервые была представлена в [Витгенштейн 2022] и во многом лежит в основании концепции, разработанной им в «Философских исследованиях» [Wittgenstein 2009]. Основным утверждением данного раздела является то, что теория значения как употребления направлена прежде всего на подрыв стабильности лингвистического значения и, в частности, на отвержение семантических концепций фрегеанского типа, в которых за значением закрепляется его реальность, независимость и самоидентичность. Цель языковых игр в этом случае заключается в том, чтобы показать, что значение языкового выражения зависит от условий или правил языковой игры и не является чем-то объективным, независимым от языковой практики. Признавая в некоторых случаях справедливость критики Витгенштейном реалистских теорий значения, В. А. Ладов тем не менее в третьем разделе, опираясь на работу Д. Катца [Katz 1990], пытается реабилитировать реалистскую семантику, ссылаясь на то, что языковая игра, хоть и преобразует грамматическую форму лингвистических выражений, должна сохранять самоидентичность

¹ Статья В. А. Ладова публикуется в этом номере журнала.

ным выраженный в этих разных формах смысл. Связывается это с тем, что понимание смысла предшествует его выражению в разных грамматических формах. Например, смысл описания, вопроса или приказа может быть одинаковым, сами же описание, вопрос или приказ суть ничто иное как случай употребления, который может различаться от одной языковой игре к другой. Случаи употребления не нужно путать с собственно объективным содержанием, которое понимается, а затем уже употребляется.

Несмотря на стройность представленной В. А. Ладовым конструкции, аргументация, приведенная в каждом разделе, а также общая направленность и выводы вызывают некоторые сомнения, выразить которые я попытаюсь в данной реплике.

Прежде всего обращает на себя внимание достаточно вольное обращение В. А. Ладова с понятиями Sinn и «число» у Фреге, когда он проводит аналогии между ними относительно их объективного статуса. Несмотря на то, что их статус действительно объективен, всё-таки это совершенно разные вещи. Во всяком случае реализм Sinn имеет несколько иной характер, чем реализм чисел. Смысл – это то, посредством чего дан обозначаемый объект. Но совсем не то с числами. Числа есть понятия о свойствах понятий. В этом отношении понятие числа имеет «понятийное содержание», в какой-то мере соответствующее лингвистическим смыслам. Но это понятийное содержание не является способом данности объекта в знаке.

Представляет ли собой это «понятийное содержание» реалистское образование на манер идеи Платона или нет – это совсем другой вопрос, который не касается статуса смысла и значения языковых выражений, даже если и учитывать, что оно остаётся одним и тем же при различных грамматических преобразованиях предложений, в которых встречается понятие числа. Когда Фреге в «Основных положениях арифметики» [Фреге 2021b] ставит вопрос об определении понятия числа, речь идёт вовсе не о смысле слов, обозначающих числа. Речь идёт прежде всего о том, чем понятие о числе отличается от понятий о вещах окружающего нас мира. Фреге даёт ответ в том смысле, что понятие числа – это понятие о понятиях, то есть понятие второго порядка, но при этом при определении такого понятия он не обращается к вопросу о смысле языковых выражений, используемых для обозначения понятия числа. Это просто был бы совсем другой вопрос. Числа для Фреге объективны и идеальны, но для их обозначения используются лингвистические выражения, которые на одно и то же число могут указывать посредством разного смысла.

При определении понятия числа Г. Фреге апеллирует к понятию грамматической формы. Такая апелляция, по мнению В. А. Ладова, должна свидетельствовать о том, что спецификация чисел сходна со спецификацией смыслов. Однако, как представляется, здесь есть одно очень важное смешение. Определяя понятие числа, Фреге обращается к грамматической форме целостного предложения только в отношении принимаемого им принципа контекстности, который говорит о том, что спрашивать о значении языкового выражения следует только в контексте целостного предложения, а не изолировано. В этом случае грамматическая форма предложения может меняться без того, чтобы менялся смысл составляющих его частей. Например, понятийное содержание повествовательного предложения о количестве листьев у дерева не будет отличаться от понятийного содержания вопроса о том, сколько листьев у этого дерева. Подобные преобразования не затрагивают природу числа, оно остаётся объективной характеристикой объёма понятия «листья этого дерева» и как таковая остаётся объективной и реальной. Но эта характеристика не является собственно смыслом языковых выражений, используемых для чисел.

Когда Фреге при определении числа апеллирует к грамматической форме, он, по всей видимости, имеет в виду совсем не то, что имеет в виду В. А. Ладов, который говорит, что смысл или мысль, выраженная в целостном предложении, остаётся той же самой при возможных грамматических преобразованиях. Разумеется, преобразования повествовательного предложения в его отрицание, вопрос или побудительное предложение являются грамматическими преобразованиями в общем смысле, сохраняющими исходное содержание. Однако представляется, что здесь путаются две различных вещи: во-первых, собственно синтаксис, с помощью которого выражен объективный смысл предложения, и, во-вторых, синтаксис утверждения, отрицания, вопроса или побуждения, который относится уже не собственно к грамматике самого смысла, но, как считает Фреге, к форме особой связи мысли и её истинностного значения. Спецификация понятийного содержания в рамках реализации принципа контекстности, когда строится определение понятия числа, и спецификация смысла при преобразовании утверждения в отрицание – это всё-таки различные вещи.

Путаница между собственно грамматической формой смысла и формой перехода к утверждению, отрицанию, вопросу, побуждению, когда речь идёт о связи понятийного содержания с истинностным значением, его постановкой под вопрос, его отрицанием или

побуждением к намеренному действию, вряд ли приведёт к прояснению того, что представляют собой дополнительные компоненты в рамках отношения наименования вроде смыслов. Во всяком случае не стоит смешивать Sinn, то есть смысл языковых выражений, с абстрактными объектами, такими как числа. Их характеристики во многом сходны, но это разные онтологические сущности, и подводить их под один разряд было бы по крайней мере легкомысленно.

Тем не менее спецификация смысла языковых выражений у Фреге как чего-то объективного, независимого от субъекта и самождественного в различных грамматических формах приводит В. А. Ладова к развитию темы в связи с концепцией значения как употребления у Л. Витгенштейна. В частности, он пишет: «Фреге воспринимает различие в данных абстрактных значениях грамматических форм предложений как не подлежащее сомнению, не требующее обсуждения, по сути, он даже не рассматривает вопрос о семантике грамматических форм, он её молчаливо предполагает как данную. Этот вопрос актуализирует Витгенштейн и делает это, конечно же, в своей скептической манере по отношению к представлениям об устойчивых значениях»². Несмотря на некоторую странность данного утверждения, его основной смысл, по-видимому, сводится к двум основным положениям. Во-первых, Г. Фреге всеми силами стремится установить самождественность смыслов, и изменчивость грамматических структур как раз свидетельствует в эту пользу. Во-вторых, Л. Витгенштейн, апеллируя к изменчивости грамматической формы, наоборот, стремится расшатать представления об устойчивости языкового значения. В результате, используя где-то одинаковые аргументы, Фреге и Витгенштейн приходят прямо к противоположным выводам. Первый утверждает, что значение объективно и стабильно, второй – в свойственной ему, как считает В. А. Ладов, «скептической манере», – что оно изменчиво и зависит от обстоятельств употребления языкового выражения.

У такого подхода есть определённые резоны. Действительно, Витгенштейн отказывается от понятия лингвистического значения как чего-то объективного, стабильного, что можно определить до и независимо от употребления языкового выражения. Значение языкового выражения можно усвоить только из его употребления. А поскольку употребление выражения предполагает участие в определённой языковой игре, то различие в правилах и условиях протекания таких игр порождает сдвиг значений в зависимости от условий

---

² С. 102 в статье В. А. Ладова «Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии» в этом номере журнала.

социальной практики, в которую вплетён язык. Невозможно говорить о едином значении одного выражения вне зависимости от условий его употребления. Можно говорить только о некотором семейном сходстве значений одного и того же выражения, которое используется в разных случаях.

Однако здесь возникает важный вопрос. Можно ли в этом случае говорить о «скептической манере» Л. Витгенштейна? Такое утверждение представляется слишком уж сильным. Скепсис всегда основан на двух предпосылках: во-первых, принимаются противоречащие или противоположные точки зрения, во-вторых, демонстрируется, что каждая из них может быть в достаточной степени обоснована. На этом основании делается вывод, что каждая из данных точек зрения сомнительна. Ничего подобного у Витгенштейна мы не найдём. Мы не найдём даже того, что он впрямую подвергает сомнению семантические теории фрегеанского типа. Вернее, в текстах Витгенштейна вообще невозможно найти критики каких-либо явно сформулированных теорий лингвистического значения. Да и сам Витгенштейн, по крайней мере в отчётливом виде, не строит никакой теории лингвистического значения. В его работах нет теоретической конструкции, которая позволила бы сказать, что теория лингвистического значения Витгенштейна заключается в том-то и том-то, сформулировав ясно и отчётливо, то есть имея очевидное представление, которое может быть дискурсивно чётко выражено в понятиях, соответствующие положения. Витгенштейн, формируя своё понимание лингвистического значения, если можно так сказать, поскольку он не отвечает на традиционные вопросы теории значения, а именно: «Как можно говорить о значении?» или «Как нельзя говорить о значении?», – в стиле, например, Х. Патнэма [Патнэм 1999], не строит теорию. Он просто приводит примеры языкового употребления, демонстрирующие невозможность какого-либо стабильного и независимого лингвистического значения, что особенно показательно представлено в его «Коричневой книге» [Витгенштейн 2022].

Здесь следовало бы задать ещё один вопрос. Насколько критические или скептические устремления Л. Витгенштейна укладываются в рамки интерпретации В. А. Ладовым соотношения трёхчленной семантики Г. Фреге с представлением о лингвистическом значении как употреблении? Этот вопрос немаловажен в том отношении, что сравнивать две теоретических конструкции следовало бы только тогда, когда они преследуют одинаковые цели. В этом случае только и можно было бы сказать, что концепция, представленная Витгенштейном, достигает своей цели и в определённом смысле

опровергает то, что в своей трёхчленной семантике предлагает Фреге. Но представляется, что это совсем не так.

Необходимо прежде всего отметить, что Фреге и Витгенштейн в своём объяснении лингвистического значения преследовали совершенно различные цели, следовательно, вряд ли можно говорить здесь о едином основании для сравнения. Основная задача Фреге сводится к тому, чтобы установить, какие грамматические формы и каким образом влияют на установление истинностного значения основной с его точки зрения логической категории, а именно мысли (*Gedanke*), являющейся разновидностью смысла (*Sinn*) [Фреге 2000; Фреге 2021a]. Именно с этой точки зрения он рассматривает отношение наименования, поскольку определяющее значение здесь имеет вопрос о том, какой вклад различные элементы этого отношения вносят в установление истинностного значения целостной мысли. Здесь решается целый ряд вопросов, специфичных для традиционных теорий значения, вроде проблемы тождества или проблемы осмысленности пустых имён, то есть знаков, не указывающих ни на какой реально существующий объект. Но вряд ли Витгенштейн пытается решить те же самые проблемы. У него совсем другой вопрос, и этот вопрос касается того, каким образом языковая деятельность вплетена в социальную практику. Здесь не идёт речь о функционировании пустых имён, проблеме тождества или косвенных контекстов. Сам вопрос о характере функционирования языка относится совсем к другой теме.

Если для Фреге проблема отношения знака к обозначаемому стояла как вопрос о соотношении статичной знаковой конструкции, в частности логики, с реальностью, то для Витгенштейна это прежде всего вопрос о практике употребления языковых выражений. И, таким образом, Витгенштейн ставит совершенно другую проблему, а именно: каким образом языковая деятельность связана с другими формами социальной практики, можно ли рассматривать её обособлено, а если нет, то любое употребление языка, в том числе и в отношении понимания языковых значений, мотивировано этой практикой и не может быть от неё изолировано. В некотором смысле можно сказать, что проблемы языкового значения, которые пытается решить Фреге в своей платонизированной семантике, и затруднения, которые относительно стабильности языкового значения Витгенштейн показывает в многообразии языковых игр, позволяющих лишь приблизительно судить о некотором семейном сходстве, относятся не просто к различным подходам к одной и той же проблеме, они вообще относятся к разным проблемам.

Тем не менее, как считает В. А. Ладов, две этих разных проблемы можно объединить в рамках одного подхода. При ответе на вопрос о природе языкового значения следует просто учесть, что есть два уровня языкового анализа. Эти два уровня реализованы в естественном языке, с одной стороны, как уровень понимания языковых выражений, а с другой – как уровень их употребления. Это позволило бы преодолеть глобальный разрыв между стабильностью языкового значения и различием форм употребления языковых выражений, как оно обнаруживается при всём различии грамматических форм, списав при этом различие самих грамматических форм на особенности употребления тех выражений, смысл которых был понят заранее. При этом В. А. Ладов апеллирует к концепции Д. Каца, который, по его мнению, «пытается обнаружить онтологию платонистского типа в семантике, выделить уровень идеальных значений, ориентируясь исключительно на естественный язык»³. Внимание при этом сосредоточено на практике употребления языковых выражений, но, в отличие от Витгенштейна, которого «естественный язык в виду его подвижности и изменчивости привёл к противоположным онтологическим и эпистемологическим следствиям – релятивизму в познании, утверждению множественности онтологий разнообразных языковых игр, несводимых ни к какой цельной картине мира»⁴, Катц всё же «пытается сохранить метафизические воззрения платонистского типа при анализе естественного языка»⁵. Подобный подход основан на уже не на трёхчленной, но на четырёхчленной семантике. Если у Фреге отношение наименования описывалось в рамках так называемого семантического треугольника «знак – смысл – обозначаемый объект», то здесь речь идёт уже о четырёхугольнике «знак – смысловой тип – случай употребления – обозначаемый объект».

По мнению В. А. Ладова, смысл этой четырёхчленной структуры оправдан тем, что до употребления языкового выражения прежде всего необходимо понять его смысл. В этом отношении языковая практика в некотором смысле следует за пониманием используемых языковых выражений. Другими словами, сперва нужно понять, а потом уже использовать языковое выражение, а значит, смысл языкового выражения всё-таки объективен и стабилен, его лишь модифицирует особый случай употребления. Причем, как утверждает Ладов, «Катц пытается показать, что если Витгенштейн прав,

³ Там же. С. 104.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

то это не отрицает Фреге, а именно что существует универсальный семантический строй не только для отдельных слов языка, но и в первую очередь для всеобщих грамматических форм языка»⁶, даже несмотря на то, что «никакое универсальное семантическое содержание не довлеет над свободой употребления. Причём эта свобода проявляется не только в употреблении конкретных слов, но даже и в употреблении более общих, формальных структур, таких как грамматические формы предложений»⁷.

Однако, даже если и принять такую точку зрения, всё равно остаётся вопрос, насколько прескриптивное, аскриптивное и дескриптивное употребление языковых выражений вносит в понимание смысла какое-то новое значение, не говоря уже о иллокутивной силе [Харт 2017]. Во всяком случае смысл одного и того же выражения, произнесённого судьей при вынесении решения и репортёром при описании события, будет различным уже хотя бы потому, что эти произнесения влекут совершенно разные последствия. И вопрос о возможности рассматривать иллокутивную силу в отношении дескриптивного, аскриптивного и прескриптивного значения языкового выражения – это вопрос затруднительный, поскольку невозможно отличить общий смысл от случая употребления языкового выражения.

Но дело здесь даже не в том, что частные случаи свидетельствуют о переходе через платонистскую семантику Фреге посредством критики Витгенштена к ситуационной семантике Каца. Впрочем, и вопрос совершенно другой. Дело не в том, что случаи употребления разных выражений отличаются от того смысла, который может быть в них заключен. Заключенные смыслы. «Да», бывают такие смыслы. Кроме того, они не просто бывают. Они так и существуют. Во множестве всяких выражений. Но речь не об этом.

Различия грамматических форм и их последовательностей, согласно Витгенштейну, отнюдь не свидетельствуют против Фреге. Дело совсем не в том, что Витгенштейн выступает против семантики фрегеанского типа (утверждая, что отрицание, вопрос и т. п. в каком-то смысле отличаются друг от друга). Витгенштейн лишь говорит, что приписывание одинакового смысла различным грамматическим формам есть одна из языковых игр. Да и само различие грамматических форм есть только языковая игра, одна из языковых игр. Подобного рода различие не означает ровно ничего. Витгенштейн ничего не имеет против платонизма. Для него это

---

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Там же.

была бы ещё одна контрверза, быть может, между неопределённостью значения и платонизмом, которая не играет никакой роли. Впрочем, это вопрос для совсем другой темы.

Но это не означает ровно ничего. Витгенштейн не выносит никакой инвективы против платонизма. Иначе это была бы ещё одна контрверза, вроде неопределённости значения, с одной стороны, а с другой стороны – платонизм. Тогда сама неопределённость значения просто претворялась бы в некоторую форму платонизма и фиксированную форму теории значения. Витгенштейн же просто утверждает, что любая версия теории языкового значения определяется в рамках языковой игры, которая удовлетворяет целям определённой языковой практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Витгенштейн 2022 – *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022.
- Патнэм 1999 – *Патнэм Х.* Как нельзя говорить о значении // Патнэм Х. *Философия сознания*. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 146–163.
- Фреге 2000 – *Фреге Г.* О смысле и значении // *Логика и логическая семантика: сб. тр.* М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
- Фреге 2021а – *Фреге Г.* Логические исследования. (Логические исследования. Целое число. 17 узловых предложений о логике). Москва: ЛЕНАНД, 2021.
- Фреге 2021b – *Фреге Г.* Основоположения арифметики: логико-математическое исследование о понятии числа. М: ЛЕНАНД, 2021.
- Харт 2017 – *Харт Г.* *Философия и язык права*. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2017.
- Katz 1990 – *Katz J.* *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Wittgenstein 2009 – *Wittgenstein L.* *Philosophische Untersuchungen / Philosophical Investigation: The German text with an English translation by G. E. M. Anscombe, P. M. S. Hacker and J. Schulte. Revisited 4th ed. by P. M. S. Hacker and J. Schulte*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

Материал поступил в редакцию 23.12.2021

Материал поступил в редакцию после рецензирования 21.02.2022